

КОНОВАЛОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

ственной войны II степени, медалями: «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

О ЧЁМ ПЕЧАЛЬ У ВЕТЕРАНА?

Был призван в армию в первые месяцы войны. Прошёл всю программу обучения в г. Уссурийске и 5 ноября 1941 г, зачислен в состав 112-й танковой дивизии, что держала оборону г. Москвы. От Москвы до Берлина прошёл с боями старший сержант Сергей Коновалов.

Воевал под Ясной Поляной, Калугой, освобождал Польшу, штурмовал Берлин.

Орден Красной Звезды получил за взятие в плен немецкого офицера с очень ценной информацией.

В 1944 г. был ранен, после госпиталя вернулся опять в строй.

Награждён орденом Отече-

Глядя на медали, которыми награждён ветеран Великой Отечественной войны Сергей Васильевич Коновалов, можно даже не спрашивать, где ему пришлось воевать, – «За оборону Москвы», «За взятие Кёнигсберга», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». О том, как воевал, свидетельствуют ордена Великой Отечественной войны второй степени и Красной Звезды, а также медаль «За отвагу». До войны Сергей Васильевич работал бухгалтером на рыбодобывающем предприятии посёлка Тафуин. Повестку о мобилизации получил 3 июля 1941 года. Собрали тогда со всего района 270 человек, на станции Галенки погрузили в эшелон и отправили на защиту Москвы.

Бомбовый дождь обрушился на головы новобранцев при подь-

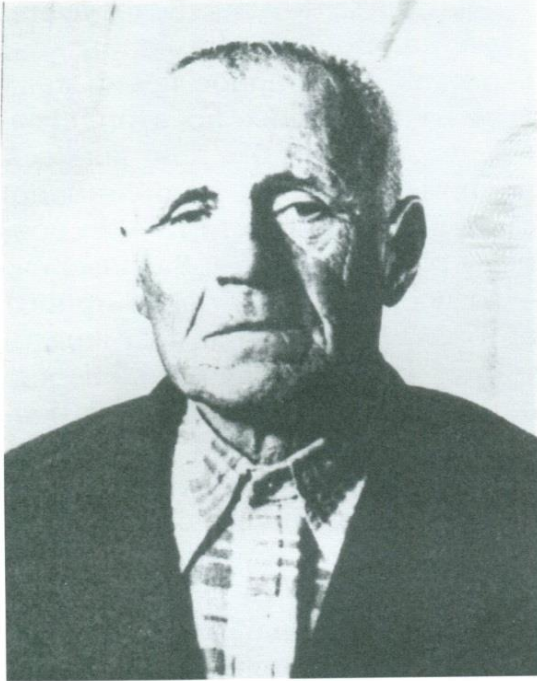
езде к столице. Сергей Васильевич до сих пор помнит, как их, выпрыгнувших из теплушек, фашистский лётчик погнал по полю, поливая сверху пулёмётными очередями.

Под Москвой шли жестокие бои, вновь прибывших сразу отправили на передовую. Холод, грязь в окопах, перебои с поставками продовольствия и оглушающий грохот рвущихся снарядов только поначалу действовали на нервы, а потом из всех чувств осталось лишь стремление уничтожить как можно больше противников и по возможности уцелеть. Заметив уравновешенность характера, немногословность и недюжинную выдержку, командование направило Сергея Коновалова в подразделение СМЕРШа. О задачах, которые приходилось выполнять, он и сейчас особо не распространяется, говорит только, что работёнка была не для слабонервных.

Но даже бойцы этого подразделения вздрагивали, когда видели горы человеческих тел за воротами фашистских концлагерей, торчащие скорбными свечами печные трубы в выжженных дотла сёлах и деревнях. И когда во время разведрейдов удавалось взять «языка», то лишь понимание, что пленного надо живым доставить в штаб части, не позволяло расправиться с врагом немедленно.

Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, Польша, Чехословакия, Германия... В мирное время каждый из шагавших по этим странам постарался бы приглядеться повнимательней к тамошним достопримечательностям. «А на войне, – говорит Сергей Васильевич, – на всё смотришь через прицел автомата, любоваться на красоты нет времени». Оно появилось, лишь когда взяли Берлин, а подразделение Коновалова вошло в состав комендатуры города Дрездена. Там смершевцы отвели душу в прогулках по городу и на винограднике, располагавшийся неподалеку от комендатуры. Но урожаем лакомились только с половины плантации, второй половиной пользовался по договору с комендантом хозяин виноградников, обижать его наши бойцы не стали.

До лета 1946 года служил Сергей Васильевич в Дрездене. Ну а потом отправился домой, в свой Тафуин. Встречал фронтовика весь посёлок, даже работа на рыбацком предприятии приостановилась. Женщины, не дождавшиеся возвращения своих мужей, братьев или сыновей, выспрашивали, не встречал ли Сергей их где-нибудь, мужики просили рассказать о том, где был, что видел, как воевал. Все вместе подняли чарку за возвращение земляка. Но Коновалов рюмку даже не пригубил. Не жаловал он спиртное ещё

до войны, не научился пить и на фронте. Просто посидел с односельчанами за общим столом, потом отдохнул несколько дней и пошёл вновь на своё предприятие бухгалтером устраиваться.

Мирная жизнь у Сергея Васильевича складывалась до недавних пор вполне удачно. В посёлке встретил девушку, которая стала его женой и родила двоих сыновей. Работа нравилась, зарплата устраивала, дети серьёзными проказами не огорчали, жили, одним словом, не хуже людей.

Раиса Никулина
«Находкинский рабочий»

Зеркало

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Ещё обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой.
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я всё забуду остальное -
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стнное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены, -
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над простотью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась,
Иль по дорогам странствует каким
Та девушка, которая гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Её последний миг, когда её
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточённое войны.
В нём орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Спят пожары дымом и огнём.
Но всё пройдёт. И, что бы ни случилось -
Враг никогда не отразится в нём!

Вадим Шефнер